

© Балута А.А., 2012

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПРЕДИКАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДРЕВНИХ ЯЗЫКАХ (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки формирования древних синтетически предикативных высказываний, центром которых являлся глагольно-именной субстрат. Анализ опирается на три положения психолингвистики: деятельность каналов обработки информации, древнее грамматическое структурирование и особенности восприятия иероглифического текста. Автор проводит сопоставление результатов психолингвистических исследований с особенностями исторического развития индоевропейских и семитских языков, что подтверждают первичность синтетически предикативной структуры древних высказываний.

Ключевые слова: синтетическая предикативность, грамматическое структурирование, древние языки.

© A. Baluta, 2012

SYNTHETIC PREDICATIVITY OF THE EXPRESSION STRUCTURE IN ANCIENT LANGUAGES (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

Abstract. The article reviews the prerequisites for the formation of ancient synthetically predicative statements, centered on the verbal-nominal substrate. The analysis is based on the three provisions of psycholinguistics: the activities of the channels of information processing, the ancient grammatical structuring and especially the perception of hieroglyphic text. The author draws a comparison of the results of psycholinguistic research with the particular historical development of the Indo-European and Semitic languages that support the primacy of synthetically predicative structure of ancient statements.

Key words: synthetic predicativity, grammatical structuring, ancient languages.

В статье «Возникновение глагольных имен в индоевропейских и семитских языках» на основе данных нейропсихолингвистики и новых теорий глоттогенеза мы установили существование субстрата глагольного имени, который употреблялся в наиболее древних языках. Это синтетическая форма, которая в определенных синтаксических условиях могла выступать и в качестве имени, и в качестве глагола.

В этой статье, опираясь на данные нейропсихолингвистики, мы рассмотрим предпосылки формирования древних высказываний, центром которых являлся глагольно-именной субстрат. Наш анализ опирается на три основные положения: деятельность каналов обработки информации, древнее грамматическое структурирование и особенности восприятия иероглифического текста.

Поднимая вопрос о структуре высказывания, следует уточнить определение понятия «предикативность» в психолингвистическом и грамматическом аспектах.

Л.С. Выготский различал психологический и языковой предикат, и, говоря о предикативности внутренней речи, он имел в виду *психологическую предикативность*. «Пре-

дикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит, с психологической точки зрения, из одних сказуемых» [2, с. 364]. В грамматике «Способ создания некоторого содержания есть предикат, по отношению к которому предложение есть выражение» [7, с. 82]. Очевидно, что оба определения предикативности не противоречат друг другу: в основе предикативной конструкции (предложения) должен находиться *предикат*, содержание которого может быть распространено другими элементами высказывания. В современных языковых системах предикат, как правило, представлен глаголом. Он чаще составляет пару с субъектом, что является предикативной основой предложения, или употребляется самостоятельно. Таким образом, предикативное ядро предложения, как правило, бинарное и обязательно глагольное. Такой способ выражения предиката можно назвать *аналитической предикативностью*. Но если предикативным центром конструкции является глагольное имя, возникшее на базе именного субстрата, то такой способ построения высказывания можно назвать *синтетической предикативностью*. Употребление таких высказываний в большей степени наблюдается в древних языках, но в ходе исторического развития они постепенно вытесняются предложениями с бинарной грамматической основой. В настоящей статье мы исследуем причины подобных изменений.

Обратимся к факторам, определяющим формирование высказываний с аналитической и синтетической предикативностью.

Недавно в мозге человека была обнаружена система, «обеспечивающая столь важный для лингвистов элемент языка, как различие между референцией и предикацией» [1, с. 14]. Существует два канала обработки визуальной информации – дорсальный и вентральный: первый «отвечает» за восприятие объектов и отнесение их к тому или иному классу, ведет к тем структурам мозга, которые обеспечивают «семантическую память»; второй ведет к тем отделам мозга, которые отвечают за внимание, определение пространственных отношений, регистрируют движение, он также отвечает за формирование событийной памяти, что является базой для построения высказывания. Таким образом, синтаксическое противопоставление именной группы и предложения оказывается просто языковым отражением разницы между воспринимаемым объектом и воспринимаемым событием» [1, с. 14]. Открытие дорсального и вентрального каналов обработки информации имеет огромное значение для изучения истории языков. Если в грамматике какого-либо языка преимущественно употребляются высказывания с глагольными именами (инфинитив, причастие, герундий, герундив, супин, имя действия), то у носителя этого языка, скорее всего, преобладает работа дорсального канала. Если же в языке чаще используются сложные предложения, у носителя сильнее развит вентральный канал. Следовательно, существование полисинтетических языков и языков с явным тяготением к синтетизму [1, с. 117] в грамматике подтверждает усиленную работу дорсального канала. Аналитические языки или те, в которых наблюдается стремление к аналитизму, напротив, выявляют усиленную работу канала вентрального.

Если рассмотреть функционирование дорсального и вентрального каналов обработки информации в рамках исторической грамматики индоевропейских и семитских языков, то можно отметить, что работа данных каналов в различных языках на разных исторических этапах не однородна. Эволюция нейронных структур человеческого мозга находит отражение в эволюции грамматических форм. Так как синтетический способ познания действительности в науке признается первичным [11, с. 16], следует считать, что в более древние времена синтетизм в языке преобладал над аналитизмом. «Объектное» синтетическое восприятие целого ряда событий предположительно катализировало применение в языке обширной субстантивации, когда несколько действий воспринимались целостно, как единая картина. Ярким примером вновь может служить древнегреческий язык с

большим количеством полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов), которые употребляются вместо сложноподчинённых предложений. В древних языках вообще паратакисис, как явление более раннее, преобладал над гипотаксисом, а подчинительные союзы, вводящие сложные конструкции, формируются на более поздних этапах развития языковых систем. А «объектное» восприятие информации и, как следствие, употребление в языке именных групп, как было сказано выше, находится в зоне деятельности дорсального канала. Следовательно, при учёте первичности синтетического способа познания, в более древние времена работа дорсального канала была преобладающей. Со временем в результате эволюции головного мозга человека работа вентрального канала, ответственного за «событийное» восприятие информации, стала более интенсивной, в результате чего в языке прежние синтетические предикативные формы стали преобразовываться в аналитические [8, с. 120]. (Например, в латинском языке наблюдается постепенная утрата причастных и инфинитивных оборотов и их замена придаточными.) В некоторых языках (например, в романских), в грамматическом строе которых наблюдается стремление к аналитизму, работа вентрального канала стала преобладающей. Такое положение дел также объясняет первичное возникновение субстрата глагольного имени на раннем этапе развития языка. Позже этот субстрат путем отделения глагола от имени был преобразован в глагольные имена, а затем в предикативную основу.

Существует и другая точка зрения. Можно также предположить, что в более древние времена в физиологии мозга человека ещё не было чёткого разграничения функций дорсального и вентрального каналов. В психолингвистической терминологии это является частью понятия о гетерогенности языка [8, с. 120]. Восприятие информации происходило одновременно в «объектном» и «предикативном» планах. Это объясняет употребление в древних языках большого количества полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов), которые одновременно могут считаться и номинативной, и предикативной единицей. Позже, в результате разграничения работы каналов обработки информации, полупредикативные конструкции во многих языках преобразуются в сложные предложения. Большой спаянностью работы дорсального и вентрального каналов также можно объяснить раннее возникновение глагольных имен, по сути своей представляющих практически «чистый» глагольно-именной корень. (Например, в санскрите: *saḡ* – ходить, бродить, странствовать; *saḡa* – движущийся, идущий, путник [6, с. 207]; *jan* – рождаться; *jana* – человек, народ [6, с. 217]. В аккадском: *akālum* – есть, *aklum* – хлеб; *malākum* – советовать, *malkum* – совет [4, с. 49]. При этом в индоевропейских языках используется внешняя, а в семитских – внутренняя аффиксация). В пользу высказанной нами гипотезы говорит и особенность грамматики древних агглютинирующих языков. (В шумерском языке, как и в санскрите, глагольный корень часто сопровождается суффиксом «а», а не меняется за счет внутренней аффиксации, как в семитских: *saḡ* – писать, писание, *saḡ-a* – писание; *dug4* – сказать, *dug4-a* – сказанное [5, с. 179]. С течением времени в процессе эволюции головного мозга человека деятельность дорсального и вентрального каналов стала более дифференцированной, и таким образом в языке произошло разложение единого предикативного имени на субъект и предикат – основу современного предложения. В языках со стремлением к аналитизму (а таких в индоевропейской семье довольно много) преимущественно употребление предложений с двукомпонентной предикативной основой.

Таким образом, первичный синтетизм грамматики наиболее древних языков и, как следствие, раннее возникновение субстрата глагольных имен может объясняться с позиций эволюции функционирования дорсального и вентрального каналов. В древние времена деятельность этих каналов могла быть менее разграниченной, либо работа дорсального канала преобладала над работой вентрального.

Особенности грамматического строя древних языков в плане предпосылок для возникновения субстрата глагольного имени отчасти можно проанализировать через призму различных нарушений деятельности головного мозга человека.

Л.С. Выготский предполагал, что процесс движения от мысли к слову в своем развернутом варианте протекает так: «...от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, – в словах» [2, с. 380]. По Л.С. Выготскому, внешней речи предшествует семантический план, который является первым, ближе всего лежащим к поверхности внутренней стороны речи, и за которым следует план внутренней речи. Семантический план характеризуется тем, что здесь уже найдены соответствующие внутренним словам (смыслам) внешние слова, но грамматика еще отлична от грамматики внешней речи и поэтому необходим «переход от синтаксиса значений к словесному синтаксису превращение грамматики мысли в грамматику слов, видоизменение смысловой, структуры при ее воплощении в словах» [2, с. 335]. Этот переход от «мозгового субстрата» к внешней стороне высказывания [8, с. 118] Т.В. Рябова и А.С. Штерн в работе, посвященной изучению речи больных афазией, называют *грамматическим структурированием*. «Процесс грамматического структурирования происходит через «наложение «грамматических правил» на подготовленную на предыдущих этапах внутреннюю программу высказывания» [10, с. 90].

Для того чтобы установить связь между характером некоторых нарушений деятельности головного мозга человека и исторической грамматикой индоевропейских и семитских языков, прежде следует определить, какое состояние функций человеческого мозга является нормой в настоящее время. Т.В. Рябова и А.С. Штерн полагают, что у нормального человека без нарушений функции головного мозга в современной действительности компоненты внутренней программы высказывания предикативны [10, с. 91]. *Предикативность программы внутреннего высказывания в современном состоянии языка* мы принимаем за базовый элемент анализа истории языков в плане формирования глагольного имени. При этом следует учитывать то обстоятельство, что Т.В. Рябова и А.С. Штерн проводили свои исследования на материале высказываний русскоговорящих людей (индоевропейская семья).

Как мы показали выше, предикативность программы построения внутреннего высказывания непосредственно граничит с деятельностью вентрального канала обработки информации. Следовательно, учитывая представленные нами гипотезы об историческом аспекте неравномерной работы дорсального и вентрального каналов, можно предположить, что во времена расцвета наиболее древних языков программа построения внутреннего высказывания могла быть *более ориентирована на номинативность*. Однако эта номинативность не однозначна номинативности больных афазией: она предполагает нахождение в основе синтаксической конструкции глагольного имени, что и представляет собой синтетическую предикативность. При формировании такого вывода, безусловно, следует учитывать погрешность на отсутствие полной базы данных о состоянии программы внутреннего высказывания на всех этапах эволюции исследуемых нами языков. Большинство древних языков в настоящее время являются «мертвыми», мы знаем о них только по памятникам, и, соответственно, сейчас нет возможности контакта с носителями этих языков. Также отсутствуют данные о характере исследований подобных нарушений функций головного мозга у людей – носителей существующих в настоящее время полисинтетических языков. Нельзя оставлять без внимания и то обстоятельство, что при характеристике грамматики древних языков мы можем опираться только на материал письменной речи, структура построения высказываний в которой несколько отличается от устной речи.

Письменный текст, как известно, «материально воплощен в определенной последовательности графических знаков, организованных соответственно структуре письменной речи в системе конкретного языка» [3, с. 141]. Однако психологи отмечают, что восприятие письменного иероглифического текста несколько отличается от восприятия буквенного письма. Это объясняется различием в уровнях работы *зрительного* и *слухового* анализаторов [3, с. 20]. Несмотря на то, что восприятие иероглифов так же, как и восприятие буквенного алфавита, является результатом взаимосвязанного функционирования указанных анализаторов, для восприятия первых используется больше мыслительных операций. Это связано с большой сложностью графики иероглифов, многоплановостью взаимоотношений композиционных элементов формальной структуры и т. д. Усвоение иероглифов, например, предполагает образование более сложного (чем для усвоения букв) комплекса смысловых и ассоциативных связей, закреплённых в зрительных, слуховых и двигательных участках коры полушарий [9, с. 6]. В ходе нашего исследования мы обращались к материалу наиболее древних индоевропейских и семитских языков (например, санскрит, аккадский), а также языка агглютинативного типа (шумерский). К образцу иероглифической письменности относится египетский язык, к иероглифической письменности примыкает клинопись, благодаря которой до нас дошли тексты шумерского, аккадского и хеттского языков.

Особенность восприятия иероглифического или буквенного письма не является определяющим фактором при формировании у носителей языков определенного типа грамматического мышления, однако навык постоянного восприятия иероглифических (клинописных) знаков осуществлял дополнительную стимуляцию зрительного анализатора. Этот процесс, в свою очередь, мог являться катализатором формирования некоторых общих особенностей грамматического мышления в языках, представляющих разные семьи. Мышление осуществлялось в основном перцептивными образами. Вынужденное дополнительное раздражение зрительного анализатора также стимулировало образное мышление, следовательно, действительность могла восприниматься единой картинкой. Это вновь указывает на «объектность» мышления наших предков, что, в свою очередь, подтверждает более активную работу дорсального канала. Это объясняет большую синтетичность грамматического строя древних языков, где изначально преобладали конструкции с синтетической предикативностью. Кроме того, само появление письменных иероглифических знаков (в рамках движения от пиктограммы к букве, от картинки к символу) и существование языков, использующих иероглифику и клинопись, доказывает, что раньше грамматическое структурирование высказывания могло больше выражаться в синтетически предикативных переходных конструкциях, строящихся на базе древнего глагольного имени.

Таким образом, приведенные нами данные о работе дорсального и вентрального каналов обработки информации, древнее грамматическое структурирование, особенности восприятия иероглифического и клинописного текстов в сопоставлении с данными исторического развития индоевропейских и семитских языков подтверждают первичность синтетически предикативной структуры древних высказываний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бейкер М.* Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. Пер. с англ. / Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования. – М.: Педагогика, 1956. – 504 с.
3. *Демьяненко М.Я.* Основы общей методики обучения иностранным языкам. – Киев: Вища школа, 1976. – 286 с.

4. *Каплан Г.Х.* Очерк грамматики аккадского языка. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 224 с.
5. *Канева И.Т.* Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2006. – 240 с.
6. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. 3-е изд. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. – 944 с.
7. *Ломтев Т.Т.* Структура предложения как выражения отношений между предикативными предметами / Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – М.: Наука, 1967. – 286 с.
8. *Нейропсихолингвистика: Хрестоматия / Составитель К.Ф. Седов.* – М.: Лабиринт, 2009. – 304 с.
9. *Резаненко В.Ф.* Психолингвистические механизмы восприятия иероглифических знаков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев: Издательство КГУ, 1978. – 27 с.
10. *Рябова Т.В., Штерн А. С.* О характере грамматического структурирования (на материале анализа речи больных афазией) // Психология грамматики. Под ред. Леонтьева А.А. и Рябовой Т.В. – М.: Издательство МГУ, 1968. – 266 с.
11. *Халина Н.В.* Категория градуальности в морфологии. (Сравнительная степень прилагательных). – Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета, 1996. – 229 с.